РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ПЕТРЪ I.

ЧЛЕНЪ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(PIERRE I. MEMBRE DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE PARIS.)

ЧАСТЬ III. — ТЕТРАДЬ III.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ПЕТРЪ I.

ЧЛЕНЪ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(PIERRE I. MEMBRE DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE PARIS.)

ЧАСТЬ III. — ТЕТРАДЬ III.

PARIS,

BERLIN, A. ASHER & Co.

A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON, TRÜBNER & Co.

1859.

Одинъ же русскій писатель повѣствуетъ объ этомъ обстоятельствѣ жизни Петра I. слѣдующимъ образомъ: „Приглашенный въ собраніе Академіи, Царь своими руками поправилъ показанную ему карту Каспійскаго моря и показалъ обширныя свѣденія въ географіи и математикѣ. Фонтенель привѣтствовалъ посѣтителя рѣчью. Академія просила Царя удостоить ее принятіемъ званія члена ея. Въ Петербургъ прислали ему дипломъ и онъ велъ постоянныя сношенія съ Фонтенелемъ и другими академиками.“ *)

Допущенный Парижскою Академіею наукъ для разсмотрѣнія ея архива, я убѣдился въ томъ, что посѣщеніе Петра I., равно какъ и избраніе его въ члены Академіи, не было еще по нынѣ вполнѣ описано ни одимъ изъ русскихъ ни изъ иностранныхъ историковъ: и потому я крайне обязанъ Академіи за доставленную мнѣ возможность пополнить этотъ небольшой пропускъ въ исторіи жизни Петра I.

Петръ прибылъ въ Парижъ 7. Мая 1717 года и только за два дня до своего отъѣзда посѣтилъ Академію.**)

*) Исторія Петра Великаго. Сочиненіе Николая Полеваго. Разсказъ XIX.

**) См. les mémoires du Maréchal de Tessé (Paris 1806. II p. 313 и слѣд.). Маршалъ Тессе былъ посланъ Королемъ на встрѣчу Петра, и ему было поручено сопровождать Царя по Парижу и окрестностямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вести съ его министрами переговоры о желаніи Петра сблизиться съ Франціею. По случаю этихъ переговоровъ Сенъ-Симонъ пишетъ слѣдующее: „Ничто болѣе сего не могло благопріятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на Сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи, а Король Георгій сильно его опасался изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи равно какъ

Протоколъ засѣданія, имѣвшаго мѣсто въ сей день подъ предсѣдательствомъ Аббата Биньона, свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ слѣдующими словами: „Царь удостоилъ Академію своимъ посѣщеніемъ, и ему показали: машину г. Лафея для подниманія вверхъ воды; кристалированную сѣрнокислую цинковую соль г. Лемери (извѣстную подъ Французскимъ названіемъ: „arbre de mars“); подъемную машину г. Далепъ и карту г. Ле Камюса.“ При семъ протоколѣ находится приложеніе, писанное безъ сомнѣнія очевидцемъ, подъ заглавіемъ: Церемоніалъ Царскаго посѣщенія. „Академики вышли на встрѣчу Царя до самой лѣстницы; вошедши, онъ не садился и всѣ прочіе также стояли; осмотрѣвъ представленныя ему машины, которыя тутъ же были объяснены, онъ вышелъ опять сопровождаемый до самой лѣстницы.“

Какъ ни кратки эти документы, все таки они достаточно доказываютъ, что Царя не привѣтствовали тогда

и Императору Римскому умѣлъ онъ внушить большое къ себѣ уваженіе: однимъ словомъ безспорно то, что онъ былъ весьма важное лице въ Европѣ и Азіи и что Франція много бы выиграла отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ Императора и желалъ мало по малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ, что самымъ неприличнымъ образомъ отвергли его предложенія, дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у Регента; тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровержимые доводы; онъ просто находился въ обаяніи отъ Аббата Дюбуа, поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ, Канильякомъ и Дюкомъ де Ноайль. Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскаяваться въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіею условій. (*Т. XIV. гл. XVIII.*).“

рѣчью, и что не въ этомъ засѣданіи избрали его членомъ. Только по возвращеніи въ свои владѣнія, какъ то разсказано Фонтенелемъ,*) повелѣлъ Государь своему лейбъ-медику Шотландцу Арескинсу написать Аббатту Биньону слѣдующее письмо:

„Милостивый Государь,"

„Ваша отмѣнная дружба и ваше обязательное обхожденіе, притомъ мое утомительное путешествіе и многотрудныя дѣла, коими я былъ обремененъ съ тѣхъ поръ какъ я былъ принужденъ васъ оставить, оправдаютъ, можетъ быть, меня въ томъ, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо отъ 10го Августа. Его Величеству весьма пріятно, что ваше знаменитое собраніе удостоило Его принятіемъ въ число своихъ членовъ, представляя Ему свои благородные труды съ 1699 года, принадлежащіе по праву каждому академику: Онъ при случаѣ постарается засвидѣтельствовать вамъ свою за то благодарность. Его Величество также одобряетъ ваше милостивый государь, мнѣніе, что передъ наукою, отличіе состоитъ не столько въ высокомъ званіи, сколько въ геніѣ,

*) См. похвальное слово произнесенное имъ, которое начинается слѣдующими словами: „Такъ какъ не было еще примѣра похвальнаго слова, произнесеннаго Академіею какому либо монарху, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ ея, то мы считаемъ долгомъ предварить нашихъ слушателей, что о покойномъ Царѣ будемъ говорить только какъ объ академикѣ, но объ академикѣ — вѣнценосцѣ, давшемъ жизнь наукамъ и художествамъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ."

талантахъ и трудолюбіи; а тщательными своими изысканіями всѣхъ возможныхъ рѣдкостей и открытій въ своихъ владѣніяхъ и сообщеніемъ оныхъ академіи, Его Величество постарается заслужить имя исправнаго члена вашего знаменитаго собранія.

„Что касается собственно до васъ, Милостивый Государь, Его Величество высоко цѣнитъ ваше обхожденіе съ Нимъ во время Его пребыванія во Франціи и желаетъ найти случай доказать свою къ вамъ дружбу.

„Я же, съ своей стороны, не въ состояніи высказать сколько вамъ благодаренъ. Я свято храню въ памяти своей воспоминаніе вашихъ совершенствъ и той чрезмѣрной обходительности, которая привлекаетъ вамъ дружбу и высокопочитаніе всѣхъ порядочныхъ людей (de tous les honnestes gens).“

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ глубокомъ уваженіи

вашего покорнѣйшаго и т. д.

По выслушаніи чтенія сего письма, „все собраніе, говоритъ протоколъ засѣданія въ среду 22го Декабря 1717 года, бывшаго все еще подъ предсѣдательствомъ Аббата Биньона, рѣшило единогласно и безъ балотировки признать Царя академикомъ „hors de tout rang“ и возложило на президента всепокорнѣйше возблагодарить Его Величеству отъ имени всей академіи.“

Въ академіи находится подлинное письмо Петра I. съ изъявленіемъ благодарности за честь которой его

удостоили. Оно писано имъ собственноручно, на русскомъ языкѣ, слѣдующими словами:

Б'жиею*) ми́лостию мы Пе́т'ръ первый Ц'рь и̓ самоде́р'жецъ все́росі́йскі́й и̓ про́тчая и̓ протчая и̓ протчая.

ѡ̓бьявля́е́мъ королевской Ѳранцȣской Ака́деміи наȣкъ милостивое на́ше позд'равление.

На́мъ нейнако какъ зѣло прия́тнω бы́ть моглὠ чтὠ вы̀ на́съ чле́но^{м} всвою**) компа́ниȣ и̓збрали. Мы̀ такωж нехотѣли ѡ̓ставить не ωказавъ ва́мъ за то̀ си́мъ нашегω призна́ния, и̓ неωбнаде́жа васъ что̀ мы̀ с'великимъ удовὠлствомъ тὠ мѣсто котѡ́рωе (sic) вы̀ на́мь пре^{л}ставляете при^{м}ел^{м}е, и что̀ мы̀ ничегὠ бо́лше нежела́емь ка́кь чтоб чре́зь прилѣ́жность, кото̀рȣю мы̀ прилагать бȣдемъ наȣ́ки в'лѣ́тчей цвѣ́ть привесть, себя̀ яко достὠйнагω вашей компа́ніи члена показать, Мы̀ повелѣ́ли нашемȣ пе́рвомȣ лейбъ-медикȣ Блюм^{н}'етростȣ ва́мь ω^{т} вре́мяни до времяни соωбща^{т} ὠ то́мь, чтὠ в'гд^{с}рствахъ и̓ земля^{х} нашихь новаго и̓ раз'сȣжде́ния акаде́міи досто^{и}нагω слȣчи́тца, и̓ на́мь зѣлὠ бȣдеть прия́тно, е̓̓жели вы̀ с'ни́мь ко^{р}респонде́нцию сωде'ржа^{т}, и̓ ω^{т} вре́мяни до вре́мяни ѡ̓номȣ вз'аимно соѡ̓бща́ть бȣ́дете ка́кия но́выя декȣве́р'ты***) ω^{т} академіи ȣ̓чинены̀ бȣдȣ^{т}.

Dо сегὠ вре́мяни не́ былω ещѐ никакой подлиннѡй

---

*) См. введеніе.

**) Въ подл. буква в имѣетъ квадратную форму.

***) Начало 2 страницы.

карты каспискомꙋ мо́рю, Мы для̀ тогѡ ѿное мѡ́ре чрезъ нарочнѡ ѿ насъ тꙋда̀ ѿправленныхъ искꙋ́сныхъ морскихъ людей ѡ́смотрѣть, и̓ вѣрнꙋю и̓ акꙋра́тнꙋю картꙋ здѣлать велѣли, что ѿные наши по́сланные чрѐзъ двꙋлѣтней трꙋдъ тꙋ̀ ꙋчинили сколко по морскомꙋ ѡ́бычаю своды и̓мъ возможно бы́ло, котѡ́рꙋю присе́мъ къ Академі́и впамять нашу посылаемы в наде́жде, что̀ ѿнадъ я́ко новая и̓ вѣ́рная ва́мъ приятна бꙋ́детъ. В' про́чемъ сс'ыла́емся мы̀ на то̀ что̀ нашъ первой лейбъ-медикꙋсъ пи́смяннѡ, и̓ ѡбьявитель сегѡ намъ библиѡтекариꙋсъ и̓зустнѡ пространнѣе доносить бꙋдꙋтъ.

Данѡ в санктъ питерз'бꙋрге 11. Ѳевраля 1721.

Ва́шъ благосклѡ́нный

Письмо это писано на бумагѣ, въ листъ, и занимаетъ двѣ страницы; на послѣдней стоитъ адресъ: Regiae Gallicae Illustri Scientiarum Academiae; къ письму приложена печать. Всего драгоцѣннѣе въ немъ собственноручная подпись Монарха. Петръ I. хотѣлъ преобразовать все, а слѣдовательно и письмена. Дѣйствительно ему принадлежитъ нынѣшнее такъ называемое гражданское письмо, которое вѣрнѣе было бы назвать Петровскимъ, какъ вытѣ-

сненное имъ называется Кириловскимъ. Въ настоящемъ памятникѣ видна еще смѣсь новаго начертанія съ старымъ, какъ то свидѣтельствуетъ употребленіе буквъ ȣ (у), ѧ (я) и ѡ (о). Изъ почтенія къ Вѣнчанному Академику, мы сохранили правописаніе подлинника со всѣми его странностями и ошибками, и только за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ типографическихъ знаковъ, позволили мы себѣ употребить букву Ю вмѣсто подлиннаго, скорописнаго ꙋ; да букву В, вмѣсто ея квадратной формы, которая, впрочемъ, встрѣчается только одинъ разъ, въ словѣ СВОЮ.

Подлинникъ этотъ доселѣ оставался неизданнымъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ первомъ нумерѣ Маяка за 1840 годъ, напечатана было статья: Первый изъ Русскихъ членъ Королевской Парижской Академіи. Въ ней помѣщены были разные документы, относящіеся къ избранію Петра I. въ Французскаго Академика, а именно: 1° Письмо врача Арескинса къ Аббату Биньону, 17 Ноября 1717 г.; 2° отвѣтъ на это письмо, писанный Фонтенелемъ, отъ 27го Декабря 1719 г., на имя Петра I.; 3е Письма Петра, въ отвѣтъ Фонтенелю; 4е Письмо Блюментроста, заступившаго мѣсто Арескинса, и наконецъ 5е Письмо Фонтенеля, непремѣннаго секретаря Парижской Академіи къ Петру, отъ 15го Декабря 1721 г. Къ сожалѣнію, письмо Петра приведено въ вольномъ переводѣ, сдѣланномъ съ Французскаго текста, напечатеннаго въ приложеніи къ Исторіи Парижской Академіи за 1720 г. Издавая оное, редакторы Маяка, Корсаковъ и Бурачокъ, прибавили слѣдующее замѣчаніе: „Какъ бы утѣши-

тельно было, если бъ кто изъ Русскихъ, проживающихъ въ Парижѣ, взялъ на себя трудъ отыскать подлинникъ этого письма въ Архивахъ Академіи и сообщилъ намъ."

Этими показаніями обязаны мы извѣстному знатоку библіографическихъ рѣдкостей такъ ревностно трудящемуся на пользу наукъ и просвѣщенія, Барону Модесту Андрѣевичу Корфу, которому изъявляемъ здѣсь нашу искреннюю и глубокою благодарность.

Сообщая столь драгоцѣнную находку, надѣемся что она будетъ утѣшительна не только для библіографовъ, иже для почитателей Вѣнчаннаго Академика, но и для всѣхъ любезныхъ нашихъ соотчичей.

Вотъ наконецъ письмо Блюментроста,*) о которомъ говоритъ Царь въ концѣ своего письма:

„Я нахожу излишнимъ, Милостивые Государи, хотя малѣйше упоминать здѣсь о всѣхъ тѣхъ стараніяхъ, кои Его Царское Величество предпринимаетъ для собранія всего того, что природа и искуства производятъ самаго рѣдкаго и любопытнаго въ Его владѣніяхъ, ниже объ усиліяхъ Имъ употребляемыхъ, дабы процвѣли въ Его

*) Докторъ Лаврентій Блюментростъ, обучившійся медицинѣ въ Парижѣ и привезшій въ С. Петербургъ въ 1717 году анатомическій кабинетъ Руйша, былъ послѣ смерти Арескинса лейбъ-медикомъ Петра I. Царь вскорѣ послѣ сего назначилъ его президентомъ основанныхъ имъ: Академіи Наукъ и медицинскаго департамента. При восшествіи на престолъ Анны Іоанновны онъ былъ отставленъ съ чиномъ Статскаго Совѣтника и умеръ въ Москвѣ въ 1755 г. Его сочиненія: Medicus Castrensis, exercitui Moscovitarum praefectus, Кенигсбергъ 1700 г. in 4^{0} и Dissertatio de secretione animali 1713 in 4^{0}.

государствѣ науки и художества, доселѣ въ немъ недоступныя. Вы сами имѣли случай убѣдиться въ этомъ во время пребыванія у васъ Его Величества и убѣдитесь еще болѣе, узнавъ изъ письма Его всѣ произведенныя и производимыя имъ работы. Его Величеству угодно было повелѣть мнѣ подробнѣе увѣдомить васъ объ этомъ, и я не въ силахъ выразить мой восторгъ отъ этого порученія. Радость моя была бы еще полнѣе, если бы я зналъ, что вы одобряете выборъ сей Его Величества и удостоиваете меня хоть частью драгоцѣнной дружбы вашей. Надѣюсь, что я не окажусь ея совсѣмъ не достойнымъ, когда достигну чести ближайшаго знакомства съ вами. Что касается до карты Каспійскаго моря, осмѣлюсь увѣрить васъ, что она составлена съ большою точностью, и что даже бѣглый взглядъ на нее покажетъ вамъ разницу противъ картъ составленныхъ нашими Персидскими путешественниками. Разница эта находится не только въ отношеніи портовъ и рѣкъ, тщательно на настоящей картѣ обозначенныхъ, но и въ отношеніи мѣстоположенія.

(Тутъ авторъ письма изчисляетъ подробно найденныя неточности въ прежнихъ картахъ и далѣе присовокупляетъ):

Я долженъ также сказать вамъ, Милостивые Государи, что два года тому назадъ Его Величество послало въ Сибирь одного изъ своихъ медиковъ, совершенно свѣдущаго въ естественныхъ наукахъ, для произведенія необходимыхъ изысканій, которыхъ образчикъ и имѣю честь здѣсь представить.

Въ такомъ же размѣрѣ и порядкѣ обдѣлалъ онъ и

другія части естественной исторіи, какъ то: царство животное, растительное, ископаемое, окаменѣлости и т. д.

Двое другихъ ученыхъ обработываютъ тотъ же предметъ въ Астрахани и Казани, такъ что мы надѣемся вскорѣ быть въ состояніи дать вамъ подробнѣйшій и полнѣйшій отчетъ во всемъ томъ, что природа производитъ въ обширныхъ владѣніяхъ Его Царскаго Величества.

Мы сочтемъ себѣ за величайшую милость съ вашей, Милостивые Государи, стороны, если вы будете удостоивать насъ вашими заказами и наставленіями, такъ какъ для насъ весьма лестно трудиться подъ дирекціею столь знаменитаго собранія, коему по нынѣ нѣтъ равнаго въ просвѣщенности. Что же до меня касается, то я надѣюсь извлечь изъ сего значительную для себя пользу, и исполненный благодарности честь имѣю пребыть съ величайшимъ уваженіемъ и неизмѣннымъ усердіемъ Вашъ,

Милостивые Государи,

Покорнѣйшій Слуга

Л. Блюментростъ.

С. Петербургъ, Февраля 14 дня 1721 года.

Если дѣйствительно Академія Наукъ умѣла оцѣнить Петра I. причисляя его къ своему собранію, то и самъ онъ, какъ видно изъ предыдущаго, имѣлъ столько такту, что просилъ у нея объ этомъ, какъ объ особенной милости. Этотъ фактъ мнѣ показался достойнымъ того, чтобы его отмѣтить въ честь Государя, цѣнившаго столь высоко достоинство члена сей Академіи, которая по нынѣ,

не смотря на всѣ перевороты нашихъ временъ, мощною рукою держитъ мирный скипетръ Наукъ и Просвѣщенія. —

Князь Августинъ Голицынъ.

Парижъ, 1/13 Сентября 1859 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

А. Франкъ, имѣетъ честь, увѣдомить всѣхъ желающихъ публиковать статьи, сочиненія, и проч., въ „заграничномъ сборникѣ“, что онъ вполнѣ готовъ исполнить это желаніе. Само собою разумѣется, что хотя „*заграничный сборникъ*“ *и не подверженъ никакой* цензурѣ, редакція его однако же не можетъ принимать статей, сочиненій, и проч., противныхъ по своему духу, началамъ нравственности, или же касающихся до личности русскаго Царя. О подробнѣйшихъ условіяхъ благоволятъ адресоваться на имя:

А. ФРАНКЪ,

въ Парижѣ, въ улицѣ Ришелье, 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.